

ТЕНИ БЕЛОЙ ПРИСТАНИ

ДОМ, КОТОРЫЙ ПОМНИТ ИМЕНА

АЛЁНА СЕВЕРИНА

Алёна Северина

Дом, который помнит имена

<https://litres.ru/74669249>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Белой Пристани исчезают не люди, а записи об их существовании. Архивистка Мира Ланская получает письмо от умершей бабушки и узнаёт имя девочки, которую город забыл двадцать два года назад. Следователь Лев Веденин помнит сестру, но у него не осталось ни одного доказательства, что она жила. Их путь приводит к дому, где чужие имена хранятся за закрытыми дверями. Чтобы вернуть пропавших, придётся расплатиться собственными воспоминаниями.

Алёна Северина

Дом, который ПОМНИТ имена

Глава 1. Человек, которого не было

Письмо пришло в ночь, когда море отступило от набережной дальше обычного.

Конверт лежал на коврикe у двери, хотя почтовый ящик находился этажом ниже, а подъезд уже десять лет запирался магнитным ключом. Плотная бумага отсырела по краям. На лицевой стороне стояло имя Миры Ланской, выведенное чернилами такого густого синего цвета, будто его написали только что.

Обратного адреса не было.

Мира подняла конверт двумя пальцами. Вечер выдался долгим: в городском архиве прорвало трубу над фондом старых метрических книг, и последние три часа она вместе с реставраторами спасала переплётыв, сушила страницы и подписывала пакеты. От неё пахло клеем, пылью и чужим прошлым. На лестнице мигала лампа. За соседской дверью кашлял телевизор.

Она почти решила оставить письмо до утра, но узнала почерк.

Так бабушка писала цифру семь: с короткой горизон-

тальной чертой посередине. После похорон прошло шесть недель. Из вещей бабушки Мира забрала только коробку фотографий, часы, которые не ходили, и два толстых шерстяных свитера. Писем в наследстве не оказалось.

Она заперла дверь, поставила чайник и разрезала край конверта ножом для бумаги.

Внутри был один лист.

«Мира, — говорилось в записке, — если это письмо дошло до тебя, значит, Дом снова проснулся. Сегодня до полуночи проверь реестр на имя Софья Веденина. Не звони в полицию. И, ради всего, что мы когда-то любили, не отвечай, если кто-то постучит три раза».

Ни подписи, ни даты.

Мира перечитала письмо и почувствовала раздражение, почти облегчение. Дурацкая мистификация. Кто-то знал о бабушке, имел доступ к её бумагам и решил, что архивистку легко напугать. Слово «Дом» с большой буквы было совершенно в бабушкином духе: та рассказывала про старый особняк на Рыбачьем спуске, где будто бы считали жильцов по именам и не открывали дверь тем, кто забывал, как его зовут.

В детстве Мира слушала эти истории под одеялом. В двадцать девять она считала их хорошим способом заставить ребёнка чистить зубы и ложиться спать вовремя.

Чайник щёлкнул.

За окном висела белёсая мгла. На противоположной сто-

роне улицы горела вывеска круглосуточной аптеки, отражаясь в мокром асфальте. Чуть дальше, за линией домов, слышались сигналы судов. Город готовился к ночному приливу.

Мира достала телефон и открыла рабочий справочник. Дома вход в архивную систему был закрыт, но общедоступный электронный каталог работал без ограничений. Она ввела имя из письма.

«Софья Веденина».

Результатов не нашлось.

Она попробовала «Соня Веденина», затем только фамилию. В каталоге появились дореволюционные карточки, два протокола с похожими именами и запись о ремонтных работах на улице Веденина. Ничего похожего на человека, которого просили проверить.

— Естественно, — сказала Мира пустой кухне.

Она сфотографировала письмо. Снимок понадобился бы, если странные шутки продолжатся. Затем открыла контакты, нашла номер заведующей и написала короткое сообщение: «Завтра утром проверю один старый реестр. Нужно пять минут доступа к оцифровке без заявки». Ответа ждать не стала.

Стук раздался в двадцать три сорок семь.

Сначала один удар, резкий и осторожный. Через несколько секунд второй. Мира замерла с чашкой в руке и невольно посмотрела на записку.

Третьего удара не было.

— Кто там? — спросила она.

За дверью что-то зашуршало. Не шаги и не одежда. Будто человек переворачивал страницы большой книги.

Мира подошла к глазку.

В коридоре стоял мужчина в промокшем тёмном пальто. Лицо освещала лампа, которую управляющая компания обещала поменять с весны. Ему было чуть за тридцать; мокрые волосы прилипли ко лбу, на правой скуле белела тонкая полоска старого шрама. В руках он держал кожаную папку и смотрел не в глазок, а на номер квартиры.

— Мира Викторовна Ланская? — спросил он.

Голос был низким и совершенно обычным. Именно это напугало её больше, чем если бы незнакомец заговорил шёпотом.

— Что вам нужно?

— Меня зовут Лев Веденин. Я пришёл из-за вашей бабушки.

Мира крепче сжала чашку.

— Она умерла.

— Я знаю.

— Тогда приходите завтра. И заранее договоритесь о встрече.

Он оглянулся на лестницу. В ту же секунду лампа погасла, оставив коридор в свете аварийного указателя выхода.

— Завтра не получится, — сказал мужчина. — Мне нужно узнать, что она успела вам передать.

— Ничего. Мне ничего не передавали.

Это была ложь, неожиданно лёгкая. Мира удивилась ей сама.

— Тогда простите за беспокойство.

Он не ушёл. Опустил взгляд, раскрыл папку и вынул фотографию.

— Посмотрите хотя бы на неё. Дверь открывать необязательно.

Через глазок было не разобрать деталей. Мира включила камеру дверного звонка на телефоне, увеличила картинку и увидела выцветший снимок: двое детей на деревянном пирсе, мальчик лет десяти и девочка помладше. Между ними лежал солнечный круг, выжженный временем или неудачной химической обработкой. У девочки были только руки и край красной куртки. Там, где должно находиться лицо, тянулось светлое пятно.

— Это ваша сестра? — спросила Мира и сама поразилась, откуда возникла догадка.

Мужчина быстро поднял голову.

— Да.

— Софья?

Снаружи стало так тихо, что Мира слышала каплю, сорвавшуюся с его рукава.

— Откуда вы знаете это имя?

Она оглянулась на кухню. Записка лежала рядом с недопитым чаем, и теперь казалась опасной вещью. Словно кто-то подложил в квартиру не письмо, а ключ, который мог от-

крыть не ту дверь.

— Я не обязана вам отвечать, — сказала она.

— Нет, не обязаны. Но я двадцать два года ищу человека, которого никто, кроме меня, не помнит. И сегодня впервые услышал её имя от постороннего.

Он говорил без угроз, почти сухо. Мира привыкла отличать театральную интонацию от усталости настоящего человека. Так рассказывали родственники, приходившие в архив за справками о без вести пропавших: сбиваясь на датах и цепляясь за ненужные подробности, потому что важное уже невозможно было произнести.

— Подождите, — сказала она. — Вы назвали фамилию Веденин. И она Веденина. Может, это просто совпадение.

— Я её брат.

— У вас есть документы?

Он усмехнулся, и это впервые сделало его похожим на живого человека, а не фигуру в дверном глазке.

— Свои — да. Её — ни одного. В свидетельстве о рождении мы записаны единственными детьми в семьях. Во всех школьных фотографиях есть один я. Бабушка обещала помочь. Неделию назад мне позвонили и сказали, что искать нужно здесь.

— Кто позвонил?

— Я не знаю. Номер не определился.

На кухне завибрировал телефон.

Мира обернулась. Сообщение от заведующей архивом

пришло в непривычно поздний час: «Проверила. В каталоге нет записи о Софье Ведениной. Откуда имя?»

За сообщением сразу появилось второе: «С кем ты разговариваешь?»

Мира медленно перевела взгляд на дверь.

— Вы сказали, бабушка вам обещала. Когда именно?

— Двадцать два года назад. За несколько дней до исчезновения Сони.

— Её тогда было сколько?

— Девять.

— И вы больше не виделись с моей бабушкой?

— Нет. Она исчезла из нашей жизни в тот же день. Когда я нашёл её снова, было уже поздно.

У Миры пересохло во рту. Она помнила, как бабушка рассказывала ей истории на ночь; помнила её руки, исколотые иглами от шитья, и запах крема с облепихой. Но если незнакомец говорил правду, то в тот год, когда пропала Соня, бабушка должна была жить в другом городе. Все её фотографии того времени были подписаны именно так.

— А как её звали? — спросила Мира.

Лев нахмурился.

— Вашу бабушку?

— Да.

— Вера Ланская. Вера Михайловна.

Мира почувствовала, как рука с чашкой холодеет.

Бабушку звали Нина.

Она не успела ничего сказать. За спиной раздался шорох бумаги, хотя на кухне не было сквозняка.

Мира повернулась.

Записка всё ещё лежала на столе, но несколько слов на ней исчезли. Строка, которую она читала минуту назад, теперь выглядела так:

«Мира, если это письмо дошло до тебя, значит, Дом снова проснулся. Сегодня до полуночи проверь реестр на имя Софья Веденина. Не звони в полицию. И, ради всего, что мы когда-то любили, не отвечай, если кто-то постучит три раза».

Только в конце стояла новая фраза, написанная тем же почерком:

«Ты открыла дверь прежде, чем вспомнила своё имя».

Три удара прозвучали разом.

Не из коридора.

Изнутри шкафа у прихожей.

Мира отступила, опрокинув чашку на пол. Чай растёкся по плитке тёмным пятном. За дверью Лев коротко выругался.

— Мира! Не подходите к шкафу. Вы меня слышите?

Она слышала. Но в маленьком зеркале над вешалкой уже отражалась не её квартира.

Там начинался длинный коридор с дубовыми дверями. У каждой висела медная табличка с фамилией. На одной, ближайшей, серебрились буквы «ВЕДЕНИНА». Из-под двери тянулась узкая полоска тёплого света.

И тогда кто-то по ту сторону зеркала, очень похожим на бабушкин голосом, произнёс:

— Сонечка, ты снова забыла закрыть Дом.

Глава 2. Коридор в отражении

Первым исчез свет на лестничной клетке. Потом погасла кухонная лампа, и щелчок выключателя прозвучал неожиданно громко. В зеркале у прихожей всё ещё горел длинный коридор.

— Отойдите от шкафа, — произнёс Лев за входной дверью. — Не спрашивайте, откуда я знаю. Времени нет.

Мира нащупала засов. Она понятия не имела, можно ли доверять человеку, которого пятнадцать минут назад впервые услышала в домофоне, но за её спиной по дереву шкафа медленно прошёлся ноготь — с внутренней стороны.

Она открыла.

На площадке стоял высокий мужчина в сером плаще, насквозь мокрым у воротника. В руке он держал телефон с фонарём. Свет освещал старую царапину на запястье и полицейское удостоверение, раскрытое на ладони.

— Лев Веденин. Отдел по расследованию исчезновений. — Он посмотрел поверх её плеча. — Вы видите коридор?

— В зеркале?

— Значит, ещё не поздно.

Он переступил порог. С той же секунды дверь за его спиной перестала вести на лестницу. Вместо неё появилась узкая галерея, обшитая тёмными досками. Влажный солёный

воздух пах медными монетами и старой известью.

Лев попробовал ручку двери. Та свободно вращалась.

— Когда вы пришли? — спросила Мира.

— Три минуты назад. По телефону вы сказали, что нашли мою сестру.

— Я вам не звонила.

Он протянул ей экран. В журнале вызовов значился её номер, время — двадцать три сорок один. Мира сверила цифры. Она действительно не звонила, но голос в записи был узнаваем: «Она за дверью с именем Веденина. Приходите один».

— Запись поддельная.

— Возможно. Но я пришёл проверить.

Из шкафа донёсся третий стук. Доски стены возле зеркала ответили ему слабой вибрацией.

— Мы не можем просто ждать? — спросила Мира.

— Я ждал двадцать два года.

Он сказал это без нажима. Голос был изношен, как у человека, которому давно перестали верить.

У ближайшей стены проступили таблички: сначала одна, потом шесть. На них были фамилии, выдавленные в меди. «БЕЛОВА», «АРСЕНЬЕВ», «ВЕДЕНИНА». Последняя дверь стояла в конце невозможного коридора, хотя его длина превосходила размеры всего дома.

— Соня, — едва слышно произнёс Лев.

Табличка дрогнула. Словно её поправили с другой сторо-

ны.

Мира схватила его за рукав.

— Не называйте её ещё раз.

— Почему?

— Бабушка запрещала отвечать тому, кто стучит трижды.

Я уже нарушила запрет.

Лев смотрел на медную дверь. Потом медленно отвёл глаза, как будто совершал физическое усилие.

— В нашей семье никогда не было фотографии Сони, — сказал он. — Мать говорила, что память меня обманывает. А я помню, как она боялась грозы и пряталась под столом. Помню, как мы порезали большой палец одним ножом. Мой шрам остался. Её — нет. Ни больничной карточки, ни записи о рождении.

Он показал белую полоску у основания большого пальца.

— Не нужно убеждать меня, — сказала Мира. — В письме названо её имя.

— Чьё письмо?

— Моей бабушки. Она умерла шесть недель назад.

Мира развернула лист, и прямо на бумаге проступила строка, которой прежде не было: «В проходе не называйте собственных имён. Дом считает тех, кто отзывается».

Где-то далеко открылась дверь. Из глубины коридора донесли детские шаги. Невидимый ребёнок остановился за стеной совсем близко.

— Мира? — позвал женский голос.

Он в точности повторял бабушкину манеру делать паузу перед последним слогом. Мире захотелось повернуться и ответить так сильно, что заныли зубы.

Лев удержал её за локоть.

— Вы знаете этот голос?

Она кивнула.

— Тогда это не тот, кому следует отвечать.

В коридоре запахло яблочным пирогом. В июне, когда бабушка ещё была жива, они пили на кухне чай и спорили, надо ли выбрасывать старую деревянную лестницу. Мира помнила каждую трещину на ступенях. Сейчас оттуда доносилось шарканье домашних тапочек.

— Мира, я совсем одна, — сказал голос.

У неё было много причин жалеть о последней ссоре с бабушкой. Та просила не продавать квартиру в Белой Пристани; Мира отвечала, что вещи не могут быть важнее живых. Через два дня старушку увезли в больницу. Они больше не поговорили.

Из темноты показалась рука. Она лежала на дверном косяке с той привычной небрежностью, с какой бабушка держалась за перила, когда болела спина. Мира сделала шаг вперёд, прежде чем заметила: у пальцев не было суставов. Кисть складывалась, как мокрая бумага.

— Назовись, — приказал голос.

Лев толкнул Миру к стене. Рука ударила туда, где только что было её лицо, и исчезла. На краске остались влажные

отпечатки четырёх пальцев.

— В конце коридора есть окно, — сказал он. — Там должно быть море.

— Откуда вы знаете?

— Я видел его раньше. Во сне. И однажды на снимке, которого теперь нет.

Они пошли вдоль стен. Лев освещал пол, обходя квадратные тёмные плитки. Мира заметила, что на каждом четвёртом метре доски были тоньше; между ними виднелись целые слои архивной бумаги, впрессованной в древесину вместе с печатями и именами.

На полпути их остановил старинный указатель: «ВЫХОД — ПО ИМЕНИ». Ниже в стеклянной рамке лежал чистый бланк.

— Оно хочет, чтобы мы представились, — сказала Мира.

— А письмо велит этого не делать.

— Значит, предусмотрен другой путь.

Она присела возле рамки. В архиве приходилось восстанавливать бумаги, которые пережили пожар, потоп и неумелых реставраторов. Пустой лист редко бывал по-настоящему пуст. Под стеклом Мира разглядела вдавленный оттиск и включила фонарик под острым углом.

«ОТВЕТСТВЕННОЕ ЛИЦО: _____».

Ниже проступало: «Свидетель может назвать того, кого помнит вместо себя».

— Не наше имя, — сказала она. — Чужое. То, за которое

готовы отвечать.

— Соня.

— Нет. Вы слишком хотите её найти. Сначала узнаем, что здесь означает слово «свидетель».

Лев достал из кармана потёртую книжку. Между страницами лежала фотография детского велосипеда. На раме сохранилась наклейка с буквой «С».

— У меня нет ничего другого. Это я снял много лет назад в сарае, который потом снесли.

Он прочёл дату возле печати: август две тысячи четвёртого года. Мира сразу заметила неправильный штамп. Городское управление регистрации тогда ещё называлось паспортным столом; новый герб появился годом позже.

— Подделка, — сказала она. — Даже у невозможного коридора не получилось правильно оформить документ.

Она с трудом удержалась от нервного смеха.

Шаги приблизились. На этот раз за ними слышалось тяжёлое шарканье.

Лев отвинтил рамку концом ключа. На обороте бумаги была машинописная строка: «При аварии прохода немедленно закрыть счётчик». Счётчик находился над косяком, под потолком. Четыре колёсика, как в старом таксометре, показывали 0002.

— Два, — сказала Мира. — Это мы.

Когда детские шаги остановились за спинами, число изменилось на 0003.

Лев поднял Миру, чтобы она достала защёлку. Металлической линейкой она поддела крышку, и колёсики прокрутились назад. Дом содрогнулся. Доски стали прозрачными, и Мира увидела за ними собственную прихожую: упавшую чашку, уличный свет и входную дверь.

— Сейчас!

Лев помог ей прыгнуть. Они бросились сквозь стену. Сзади ударилось что-то большое и мокрое. Мира зацепилась рукавом за медную ручку, ткань треснула, но Лев вытолкнул её на коврик.

Входная дверь опять вела на лестницу.

Несколько минут они сидели прямо на полу. Лев смотрел на свои руки, Мира — на письмо.

— Надо составить протокол, — сказал он.

— Попробуйте описать коридор, которого нет на плане дома.

— Именно поэтому нужно описать его точно.

Письмо изменилось. Теперь на листе стояло только: «Проверь реестр в архиве. Не называй имён там, где тебя спрашивают». Имя Софьи исчезло.

— Вы помните прежнюю строку? — спросила Мира.

Лев воспроизвёл её дословно.

— Тогда запишите. Сейчас. И время.

Он сделал запись; она сфотографировала лист рядом с кухонными часами. Улики внезапно казались единственным способом удержать реальность.

— Утром я открою архив, — сказала Мира. — Можете прийти. Но если начнёте скрывать от меня доказательства, я выгоню вас так же быстро, как впустила.

— По рукам.

Лев заметил порванный рукав её блузки.

— Простите, — сказал он. — Слишком сильно дёрнул.

— Это всего лишь ткань.

За окном прогудел буксир. На лестнице звенели ключи соседа, возвращавшегося домой. Нормальность этих звуков была почти невыносимой.

Когда Лев ушёл, Мира расправила письмо и положила его между чистыми листами. В самом низу обнаружилась ещё одна строка — тонкая, словно оставленная иглой: «Если он назовёт её полным именем, спроси, какую цену он уже заплатил».

Мира не показала её Льву. Пока не показала. У неё были основания доверять его страху; оснований доверять всему остальному ещё не было.

Глава 3. Реестр отлива

Утром Мира проснулась с судорогой в пальцах. Всю ночь ей снилось, что она держит тяжёлую дверь, а ручка понемногу превращается в живую ладонь. Перед выходом она проверила фотографии письма. Первый снимок показывал слова о Соне; второй — короткое распоряжение об архиве. Дата создания у обоих совпадала до секунды, хотя между съёмками прошло почти полчаса. Она не стала разбираться с теле-

фоном. Слишком много невозможного уже получило цифровую отметку.

В городском архиве пахло картоном, пылью и печёным хлебом из пекарни напротив. Это место всегда успокаивало Миру: здесь каждое решение оставляло след — резолюцию, подпись, номер исходящего. Мёртвые бумаги были честнее живых людей. Теперь она подозревала, что и это не вполне верно.

Лев ждал у крыльца без формы, с бумажным стаканчиком кофе и потрёпанной папкой.

— Откуда вы узнали, во сколько я приду?

— Вчера вы сказали: «Открою архив». На табличке написано «девять». — Он протянул второй стаканчик. — Без сахара. Это предположение, а не результат слежки.

— Неверное. Два кусочка.

Лев на секунду смутился и полез обратно в маленькое кафе за углом. Мира дождалась его, хотя могла бы пройти мимо. Вчера между ними было слишком много опасности, чтобы сегодня притворяться незнакомцами.

Заведующая, Татьяна Сергеевна, отличалась способностью помнить любой перепутанный шифр хранения и не помнить имён людей, с которыми работала десятилетиями. Она проводила Льва взглядом поверх очков.

— У нас проверка?

— Запрос следствия по старому делу, — ответил он, предъявляя удостоверение.

— Запрос письменный?

Он вынул подготовленное направление с печатью. Мира невольно отметила аккуратность даты и номера. В этом человеке, по крайней мере, была привычка готовиться.

— В читальный зал, — сказала заведующая. — С оригиналами только в перчатках.

Мира знала нужный фонд. Реестры жителей Белой Пристани до девяностых хранились в подвале, после — в закрытом шкафу второго зала. Сочетание фамилии, отчества и даты исчезновения Сони не давало результата ни в одной современной базе. Но бабушка не написала «найди дело». Она велела проверить реестр. Разница была существенной.

В каталоге нашёлся том с неприметной надписью: «Береговые участки. Перепись 2004». Заказанный экземпляр принесли на тележке. Кожаный переплёт был когда-то зелёным; по краю шла свежая полоска клея.

— Этот том реставрировали недавно? — спросила Мира.

— Не по моей заявке, — сказала Татьяна Сергеевна. — В карточке посмотрите.

В карточке последним посетителем значилась Мира Ланская. Вчера. В двадцать три пятьдесят.

Лев наклонился, чтобы прочитать запись. Мира не стала объяснять, где в это время находилась. Он и так знал.

— Почерк похож на ваш?

— Нет. У меня двойная петля в букве «у». Здесь одинарная.

— Кто выдавал том?

— По записи — никто. Он не должен был покидать хранилище ночью.

Лев сфотографировал карточку рядом с линейкой. Потом попросил заведующую проверить журнал входа, не упоминая невозможную ночь. Пока та ушла, Мира раскрыла реестр на нужном месяце.

Тридцать первое августа. В графе «зарегистрировано» шло четыре семейства. У третьего была вырвана половина страницы. На месте фамилии остались тонкие волокна, аккуратно вычесанные в одну сторону. Подложенный снизу лист выглядел старше самого тома.

— Это сделали не случайно, — сказала Мира. — Вырвать лист ребёнок может. А вот снять запись с подложки и поставить новую без деформации корешка — нужна рука реставратора.

Под срезом светились следы клея, нанесённого кистью шириной восемь миллиметров. В старых мастерских пользовались рыбьим клеем; здесь пахло синтетическим, из поздних девяностых. Мира вынула лупу. На обрезе подменённого листа остался бесцветный оттиск печати, где угадывались две цифры: 22.

— Двадцать два года, — заметил Лев.

— Или двадцать второй участок. Не будем выдавать догадку за улику.

Мира перевернула страницу. В корешок было вшито

нечто твёрдое. Она аккуратно раздвинула бумагу пинцетом и достала маленькую карточку с надписью «ОТЛИВ». На обороте: «Расход — один свидетель. Остаток — сорок один».

— Сорок один чего? — спросил Лев.

— Если бы я знала, нам не пришлось бы пить невкусный кофе.

Он улыбнулся. Это была первая настоящая улыбка за всё время их знакомства, короткая и почти неуместная.

У дальнего окна зашуршала газета. Старая посетительница в лиловом берете поднимала голову от справочника.

— Не вслух, — сказала она, не глядя на них. — В тех книгах чужие имена читать нельзя. Потом не разберёте, какие ваши.

— Простите? — отозвалась Мира.

— Я к нему каждый четверг хожу. — Женщина коснулась потёртого кольца. — К мужу. Он умер девять лет назад. Документов о нём больше нет, а его любимый табак всё ещё продают.

Лев открыл блокнот.

— Как вас зовут?

Старуха испуганно прикрыла губы.

— Не здесь. У шкафа — не здесь. Можно просто Анной Петровной.

Мира присела рядом.

— Вы видели этот том раньше?

Та долго рассматривала обложку. Под беретом седые во-

лосы были тщательно уложены, пуговицы пальто — перешиты одной и той же ниткой.

— Ночами его приносит человек, который не оставляет следов на полу. Он ставит книги на подоконник и пересчитывает имена. А одну девочку всегда пропускает.

— Какую? — спросил Лев.

Анна Петровна увидела его лицо. Край газеты задрожал у неё в руках.

— Вы и так её помните. Не пытайтесь заставить помнить остальных.

Она поднялась, оставив на столе газету и блюдо, где лежала половина сахарного печенья. Мира проводила её до лестницы, но на первом пролёте женщина исчезла из виду среди посетителей.

Когда Мира вернулась, Лев стоял над раскрытым реестром. В строке, где минуту назад было пусто, проступили буквы: «ВЕДЕНИНА СОФЬЯ». Через несколько секунд имя стёрлось, оставив лишь бурый след, похожий на старое пятно.

— Успели снять? — спросила Мира.

Лев показал экран. Камера зафиксировала только пустую строку.

— Тогда делаем бумажную копию. Сейчас.

Она положила под страницу копировальную бумагу, сверху — кальку. Лев продиктовал всё, что они помнили, с точным временем и указанием, кто видел. Они подписали два

одинаковых экземпляра.

В проходе появилась заведующая.

— У нас возник вопрос, — сказала она. — В журнале входа вчера никого не было. Но видеокамера на лестнице записала человека с вашим пропуском, Мира. Лица нет. Зато виден портфель.

В тот момент в подвале старые трубы ударили друг о друга, словно кто-то трижды постучал. Татьяна Сергеевна вздрогнула.

— Отопление, — сказала она с облегчением. — В октябре всегда так.

Мира не поправила её: до октября оставалось несколько месяцев.

Лев осторожно закрыл реестр. Мира взяла карточку «ОТ-ЛИВ», но та уже высохла настолько, что могла рассыпаться в руках. Она поместила находку в защитный конверт. На оттиске проступил маленький номер мастерской. Рядом были инициалы: «М. Б.».

— Знаете кого-нибудь из старых реставраторов на эти буквы? — спросил Лев.

Мира подумала о списке сотрудников, который видела в кладовой. Там была фамилия Беловой — мастер, вышедшей на пенсию раньше её прихода.

— Возможно. Но сначала хочу узнать, зачем кто-то использует мой пропуск ночью.

Она проверила служебный телефон. Один пропущенный

вызов с внутреннего номера 014: склад, закрытый два года назад. На голосовой почте вместо сообщения слышался шум моря. Под ним чей-то очень тихий голос считал: «Сорок один. Сорок. Тридцать девять».

Мира выключила звук, но не запись. Впервые архив перестал казаться убежищем. Впервые она поняла, что его порядок может быть частью того, от чего они пытаются спастись.

Глава 4. Пустое место за столом

К обеду от Анны Петровны осталось блюдо.

Оно стояло на дальнем столе, где утром лежала газета. Кто-то убрал печенье и протёр поверхность, но вокруг блюда оставался сухой круг от второй чашки. Смотрительница читального зала утверждала, что пожилой женщины в лиловом берете не было. По её словам, Мира и Лев просидели у окна вдвоём.

— Вы сами приносили им кофе? — спросил Лев.

— Одну чашку. Другую, вероятно, принесли из буфета.

— Где вторая?

— Какая вторая?

Поначалу Мира решила, что женщина боится объяснять нарушение правил. Но смотрительница была озадачена искренне. Она вытащила журнал, показала шесть сегодняшних записей и предложила позвать администратора. Руки у неё не дрожали. Никто не пытался утаить правду. Она и правда помнила только двух посетителей.

Мира проверила аудиозапись, включённую незаметно по-

сле разговора о реестре. На ней слышался её собственный голос: «Вы видели этот том раньше?» Потом — шорох бумаги и ответ Льва. Голоса Анны Петровны не было.

— А печенье? — спросила Мира.

— Вы не ели, — заметил Лев.

— Я помню, как она отломила половину.

— Я тоже.

Он замолчал, глядя на чашку.

— Не говорите пока никому, — добавил он. — Нам нужно разобраться, что именно исчезло. Человек, запись или память о ней.

Они обыскали читальный зал с разрешения заведующей. На подоконнике осталась тонкая нить лиловой шерсти. Мира завернула её в чистую бумагу, отметила место и время. Под столом нашлась остановившаяся на десяти двенадцати механическая стрелка от дешёвых часов. Анна Петровна поправляла часы во время разговора. Мира могла поклясться в этом, но понимала, насколько мало стоит клятва, если воспоминания стали ненадёжными.

Лев потребовал копию записи с коридорной камеры. Татьяна Сергеевна нехотя согласилась, при условии официального акта. Пока он оформлял бумагу, Мира отправилась в подсобку к системному блоку камер. Старый экран мерцал серой сеткой. На записи в девять сорок женщина в берете входила в зал. На записи в одиннадцать двенадцать выходила только Мира, чтобы проводить её к лестнице. Дальше ста-

руха как будто переставала существовать: на месте силуэта оставался узкий провал изображения, идеально неподвижный среди мельтешащих пикселей.

Мира остановила кадр.

— Видите?

Лев кивнул.

— Да. И это не обычный дефект записи. Если камера пропускает кадры, меняется вся картинка. Здесь исчез объект внутри кадра.

Он назвал точный формат записи, попросил не копировать видео на облачные сервисы и сам извлёк диск при двух свидетелях. Мира впервые увидела, как изменяется его лицо во время работы: страх отступал перед привычной последовательностью действий. Протокол, хеш-сумма файла, подписи. У этого человека была профессия, и он цеплялся за неё как за ограду у обрыва.

— Если исчезнет и диск? — спросила Мира.

— Значит, останутся свидетели изъятия.

— Если забудут свидетели?

Лев на секунду остановился.

— Тогда начнём с того, что сумеем доказать.

Нечто похожее он уже говорил ночью. Но теперь это звучало не как утешение, а как план.

В половине второго явился человек из администрации — аккуратно одетый, с сединой на висках и кожаной папкой под мышкой. Представился Павлом Арсеньевым, руководителем

городского регистрационного отдела. Заведующая явно знала его и обрадовалась приходу.

— У вас техническая неисправность? — спросил он у Миры.

— Почему вы решили, что мы говорим о технике?

— Мне сообщили, что архивный том выдавали по записи умершего сотрудника. Обычно такое связано с программным обеспечением.

— А фамилия?

— Какая?

Мира назвала не свою. «Белова».

На лице Арсеньева ничего не изменилось, но он вынул из папки ручку, которой прежде не пользовался, и повернул её колпачок.

— Реставратор Марта Белова работала у нас много лет назад. Не вижу связи с ошибкой электронного каталога.

Лев показал удостоверение.

— Мы проводим проверку исчезновения человека. Сегодня в архиве присутствовала посетительница, которую сотрудники перестали помнить. Кто из вашего отдела обслуживает старые регистрационные книги?

Арсеньев ответил не сразу.

— Следователь Веденин, верно? Ваше дело о сестре закрыто ещё в две тысячи шестом.

— Именно поэтому мне интересно, откуда вам известно обо мне.

— Я веду сложные записи. — Арсеньев кивнул на реестр.
— Бывает, люди приписывают бумаге то, чего в ней не было. Особенно когда теряют близких.

Он говорил вежливо, и от этого Мира почувствовала злость.

— Тогда объясните, кто сегодня подделал мою подпись.
Павел перевёл взгляд на её пропуск и попросил предъявить служебную карточку. Мира не дала.

— Сначала письменный запрос, — сказала она тем же тоном, каким утром Лев обращался к заведующей.

Арсеньев чуть улыбнулся, будто одобрил ответ ученицы. Потом вышел и закрыл за собой дверь без звука.

После его ухода Мира обнаружила в столе заведующей новый приказ. Датированный сегодняшним числом, он предписывал передать реестр в регистрационный отдел до шестнадцати ноль-ноль. Подпись заведующей уже стояла, хотя сама Татьяна Сергеевна утверждала, что документ не видела.

— В приказах у него всё получается, — сказала Мира. — Даже когда людей нет.

Они воспользовались законной задержкой выдачи: поскольку реестр проходил по делу как предмет осмотра, передать его до завершения протокола было нельзя. Лев позвонил начальнику и получил два часа. Это был маленький успех — не победа, но возможность действовать.

Мира предложила идти к Анне Петровне домой. В журнале напротив её места не оказалось фамилии, однако Ми-

ра помнила обмолвку о покойном муже и о табаке. В местных газетах много лет печатали объявления от пожилых горожан: обмен комнат, утерянные документы, просьбы найти родственников. Она открыла оцифрованную подшивку и нашла заметку трёхлетней давности: «Утеряны часы с гравировкой А. С. При обнаружении просим вернуть в дом на Набережной, 8».

Дом существовал. На третьем этаже пахло лекарствами и сушёными травами. Дверь квартиры с номером двенадцать была заперта. На звонок ответила соседка с собакой.

— Анна Петровна? — повторила та. — У нас такой не было. Здесь с ремонта пустует.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.